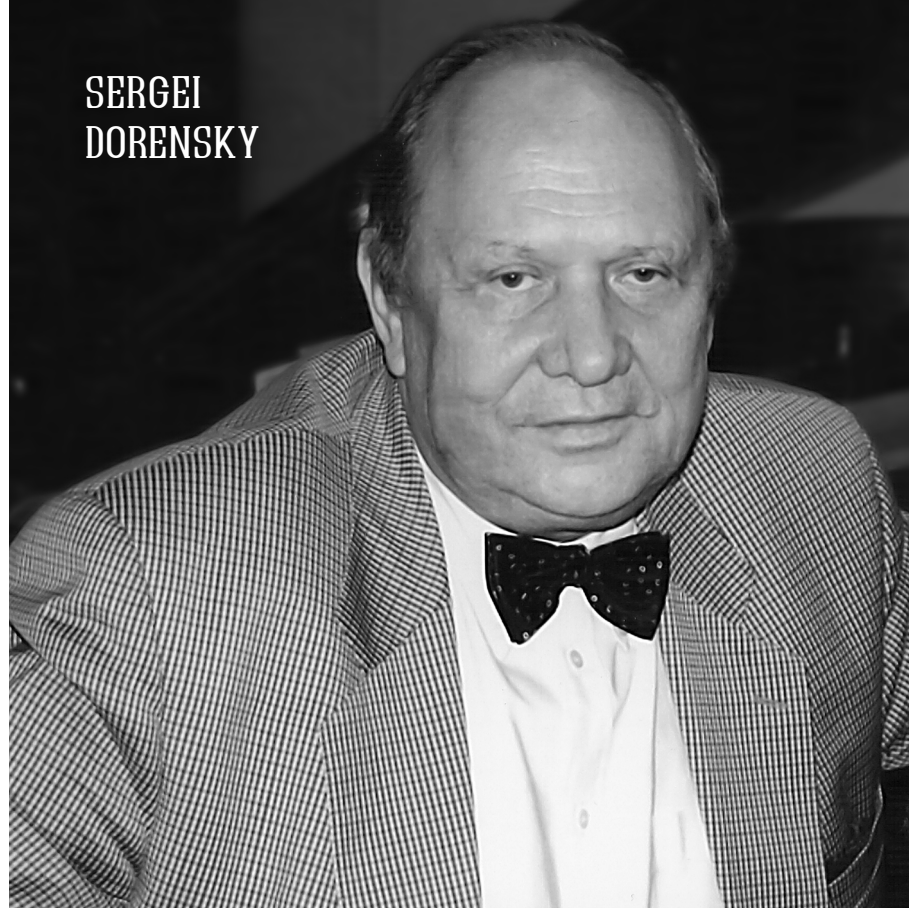

FRÉDÉRIC CHOPIN
MAZURKAS
SERGEI DORENSKY
PIANO

SERGEI
DORENSKY

Имя народного артиста РСФСР Сергея Леонидовича Доренского, вне всякого сомнения, хорошо известно любому, кто мало-мальски причастен к высокому миру классической музыкальной культуры как в России, так и далеко за ее пределами. Один из самых выдающихся фортепианных педагогов современности, он воспитал целое созвездие прекрасных пианистов, более 160 раз становившихся победителями и лауреатами различных, в том числе и самых престижных международных конкурсов.

Тайнопись секретов столь триумфального педагогического успеха вряд ли поддается всеобъемлющей расшифровке, но рискнем предположить, что одним из существенных факторов является здесь отсутствие у Доренского эгоцентрического стремления авторитарно «клонировать» в учениках собственную творческую индивидуальность. Не потому ли столь разительно не похожи друг на друга замечательные представители его школы Николай Луганский и Денис Мацуев, Павел Нерсисян и Андрей Писарев, Вадим Руденко и Александр Штаркман, Ольга Керн и Екатерина Мечетина?

Думается, немаловажную роль играет и покоряющая коммуникабельность, позволяющая Сергею Леонидовичу не только создавать особую атмосферу в своем классе, но и быть центром широкого дружеского круга, объединяющего многих ярких представителей искусства, науки, спорта, медицины. Эти же свойства помогали и помогают ему и в исполнении «разного рода» официальных ролей – многие годы Доренский возглавлял фортепианный факультет Московской консерватории, работал и продолжает работать в жюри международных конкурсов.

Все это так, но приходится с сожалением констатировать, что в последнее время несколько забыт артистический облик Доренского. Отчасти «виноват» в этом и сам профессор, не раз публично заявлявший, что именно в педагогике он нашел истинное призвание, отодвигая тем самым на второй план собственные

исполнительские свершения. Добавим сюда и тривиальное напоминание о неутомимом беге времени, породившем за годы, прошедшие с того момента, когда Сергей Доренский вынужден был по состоянию здоровья покинуть концертную эстраду, новые вкусы и новых героев. К тому же его записей сделано было, увы, совсем немного и большинство из них до сих пор не переиздано на компакт-дисках. Тем отраднее появление этого собрания избранных шопеновских мазурок, являющегося неотъемлемо важной частью богатейшей фонотеки записей произведений польского гения, созданной отечественными мастерами.

Время расцвета таланта Сергея Доренского (а вместе с ним и многих других прекрасных пианистов его поколения – Глеба Аксельрода, Александра Бахчиева, Лазаря Бермана, Льва Власенко, Веры Горностаевой, Беллы Давидович, Евгения Малинина, Станислава Нейгауза, Татьяны Николаевой, Дмитрия Паперно, Наума Штаркмана, Михаила Воскресенского, Дмитрия Башкирова) было совершенно уникальным в истории советского фортепианного исполнительства. В полном расцвете творческих сил были такие великие художники, как Владимир Софроницкий и Мария Юдина, корифеи следующего поколения – Григорий Гинзбург, Мария Гринберг, Яков Зак, Лев Оборин, Яков Флиер; мощно разворачивались артистические «одиссеи» Эмиля Гилельса и Святослава Рихтера. Такая небывалая когорта сложилась во многом и «благодаря» историческим реалиям, не позволявшим талантам свободно рассеиваться по земным просторам. Вписаться в это созвездие, получить право голоса на том пиршестве избранных можно было лишь наделенному истинным дарованием. Конечно, и тогда уже пропуском на концертную эстраду становился конкурсный успех, но не стоит забывать, что в те годы конкурсов было, в сравнении с нашими днями, мизерно мало, а вот добытые на них премии значили куда больше, чем теперь.

Победоносно пройдя состязания в Польше и Бразилии, Доренский получил привилегию начать концертную деятельность, но никакие премии и регалии не удержали бы его на сцене добрых четыре десятилетия, если бы слушателям не была интересна артистическая индивидуальность музыканта. А ведь именно так оно и было – публика любила слушать его лишенный какого-либо намека на эгоцентрическое самолюбование, авторитарную назидательность пианистический голос. И это в эпоху всепоглощающего мифотворчества, возлагавшего на кумиров едва ли не «пророческую» миссию, видевшего в них небожителей, далеко отстоящих от норм повседневности.

Явственно самобытный исполнительский почерк Доренского связан с искусством его легендарного учителя Григория Романовича Гинзбурга. Пожалуй, только сейчас наступает пора осознания подлинного величия фигуры Гинзбурга, далеко не сполна разгаданной и оцененной современниками, которые не всегда умели за фасадом ослепительного мастерства, некоторой сдержанности внешней повадки различить подлинную поэзию и глубинную содержательность. Доренского роднит с его учителем и чувство меры, и высокий художественный вкус, и посвященность в магию звукоизвлечения.

Концертные программы Сергея Доренского включали в себя произведения самых разных композиторов. Здесь и Бетховен (среди прочего, одна из самых естественных и убедительных интерпретаций сонаты, соч. 110), и Шуман, и Лист, и Чайковский, и Рахманинов, и музыка XX века, в том числе впервые им исполненный в России и опубликованный в его исполнительской редакции концерт С. Барбера.

Все же главной темой исполнительского творчества Сергея Доренского стала фортепианная музыка Фредерика Шопена. Соната си-бемоль минор, баллады, скерцо, полонезы, вальсы, этюды, ноктюрны – в прочтении этих

сокровенных шедевров шопеновской поэзии он достигал высокой красоты и выразительности. Но есть одна заповедная область, особенно близкая душе артиста – это мазурки. Можно быть большим, даже великим пианистом, блистательно исполнять труднейшие опусы, в том числе и шопеновские, и осекаться на его мазурках, отступить перед этими, на первый взгляд кажущимися не столь уж замысловатыми миниатюрами. В том-то и дело, что простота их обманчива и по сути своей являют они запечатленную в звуках, облаченную в танцевально-ритмические одеяния краткую, но всеохватную энциклопедию движений человеческой души.

Сергей Доренский записал мазурки. В тончайшем «произнесении» этих пьес привлекает отсутствие лобовой декларативности – вот, дескать, мазурка лирическая и печальная, а вот – фольклорно-жанровая и бодрая. В каждую из них он с удивительной органичностью вплетает самые разные звуковые образы, складывающиеся в бездонную многомерность. Мастерски владеет он и секретами трехдольной ритмики, нигде, даже в рамках одной пьесы, не обогатившейся назойливой монотонностью. Наконец, нельзя не упомянуть и о поразительном искусстве звуковой светотени, когда изрядно удаленная от прекрасно поющей мелодии, исполненная тишайшим пианиссимо, левая рука не теряет ни одной гармонической, полифонической, ритмической детали. Пожалуй, именно мазурки являются тем детектором, той окончательной инстанцией, которая дает право зваться шопенистом.

Сергей Доренский, несомненно, шопенист, и шопенист первостатейный. Запись эта – лучшее тому доказательство. Ныне, когда шопенисты почти уже и перевелись, ценность этого документа возросла многократно.

Рувим Аронович Островский, профессор МГК

The name of Sergei Dorensky, National Artist of Russia, is undoubtedly well-known to anyone who has but a slightest connection with the sublime world of the classical musical culture, both in Russia and far beyond. One of the most outstanding piano teachers of our times, he fostered a whole constellation of wonderful pianists, who became winners and awardees of various (including the most prestigious) international contests over 160 times.

The secret code of such overwhelming pedagogical success can hardly be fully deciphered. However, it is possible to assume that a key driver was the fact that Dorensky was free of any authoritative egocentric urge to “clone” his own creative self in his disciples. Could it be the reason why the prominent representatives of his school – Nikolai Lugansky and Denis Matsuev, Pavel Nersessian and Andrey Pisarev, Vadim Rudenko and Alexander Shtarkman, Olga Kern and Ekaterina Mechetina – are so strikingly different from each other?

Captivating sociability also plays an important role, it enabled Sergei Dorensky not only to create a remarkable atmosphere in his classroom, but also to become the centre of a wide circle of friends, involving numerous prominent artists, academicians, athletes and medical professionals. Moreover, these qualities have always helped him in performing various official roles – for many years Dorensky has been the head of the piano faculty at the Moscow Conservatory, as well as a judge at international contests.

This being said, it should be observed, unfortunately, that Dorensky’s performing achievements have recently been somewhat neglected. Partially, professor himself is to “be blamed,” as he has repeatedly highlighted that it was teaching where he had found his true realization, thus downgrading his own success in performance. A trivial reference to the relentless flight of time can also

be made, for in the years since Sergei Dorensky had to leave the stage for health reasons, new tastes and new celebrities emerged. Besides, regrettably, very few his records were made, and most of them have not yet been converted to the CD format. The more gratifying therefore is the release of this collection of selected Chopin’s mazurkas, which is an indispensable part of a rich record library including works by the Polish genius performed by Russian maestros.

The time when Sergei Dorensky’s talent flourished (along with many other brilliant pianists of his generation – Gleb Axelrod, Alexander Bakhchiev, Lazar Berman, Lev Vlassenko, Vera Gornostayeva, Bella Davidovich, Evgeny Malinin, Stanislav Neuhaus, Tatiana Nikolayeva, Dmitry Paperno, Naum Shtarkman, Mikhail Voskresensky, Dmitry Bashkirov) was a unique period in the history of the Russian and, naturally, Soviet piano performance. It witnessed the full bloom of such great artists as Vladimir Sofronitsky and Maria Yudina, as well as leading figures of the next generation – Grigory Ginzburg, Maria Grinberg, Yakov Zak, Lev Oborin, Yakov Flier; artistic “odysseys” of Emil Gilels and Sviatoslav Richter were unfolding. This amazing cohort was formed largely due to the historical realia, which prevented the talents from being scattered all over the world freely. To fit into this constellation, to have one’s say at this feast of the elect one had to possess a true gift. Of course, back at the time contest success could already be a pass to the concert stage, but it should be remembered that the number of contests in those years was extremely small against our days, but the awards won meant a lot more.

After victorious performances at the contests in Poland and Brazil, Dorensky received the privilege to begin his own concert activities, but no awards and regalia would have secured his place on the stage for the whole four decades, if the listeners had not been interested in the performer’s artistic character. And

that was what really happened – the audience loved listening to his piano voice devoid of any trace of self-content narcissism or authoritarian instruction. And all this happened in the era of overwhelming mythogenesis, intrusting the idols with almost a prophetic mission, regarding them as the celestials far above the standards of everyday life.

Dorensky's distinctive manner stems from the art of his legendary teacher Grigory Ginzburg. It is likely that only now are we realizing the true greatness of Ginzburg, who was far from being completely understood and appreciated by his contemporaries. The façade of dazzling mastery and certain reserve in his conduct sometimes prevented them from discerning the real poetry and profound substance. Dorensky also shares with his teacher the sense of harmony, the exquisite artistic taste and the understanding of the sound magic.

Sergei Dorensky's recital programmes featured a wide variety of works by different composers. They included Beethoven (inter alia, it is one of the most natural and convincing interpretations of his Sonata, Op. 110), Schumann, Liszt, Tchaikovsky, Rachmaninoff, 20th-century music, including the concerto by Samuel Barber, performed for the first time in Russia and published in his interpretation.

However, the main subject of Sergei Dorensky's performing art was piano music by Frédéric Chopin. Sonata in B flat minor, ballades, scherzi, polonaises, waltzes, études, nocturnes – his interpretation of these treasured masterpieces of Chopin's poetry reached the utmost beauty and expression. But there is a secret area particularly close to the musician's heart – the mazurkas. One can be a prominent, even great pianist, marvelously performing the most difficult works, including those by Chopin, but fail to cope with his mazurkas, retreat from these seemingly uncomplicated miniatures. The thing is that their simplicity is deceptive: they are essentially a brief, but comprehensive encyclopedia of the secret

workings of the human heart imprinted in sound, wrapped in the fabric of dance and rhythm.

Sergei Dorensky recorded the mazurkas. The finest “pronunciation” of these works attracts by a lack of straightforward bluntness – “say, this will be a lyrical and moving mazurka, and this will be folk scenic and cheerful.” Each of them amazingly organically incorporates most diverse sound images merging in a fathomless multidimensionality. He has perfect command of the secrets of the ternary meter, which nowhere, even within a single piece, turns into annoying monotony. Finally, we should mention the outstanding art of sound chiaroscuro, when the left hand, considerably remote from the fine melody, filled with a quietest pianissimo, does not lose any detail of harmony, polyphony or rhythm. Probably, the mazurkas are the detector, the final test for the right to be called a Chopinist.

Sergei Dorensky is undoubtedly a Chopinist, and a first-class Chopinist. This record is the best evidence of it. Nowadays, when Chopinists have become rare, the value of this document has increased enormously.

Professor Ruvim Ostrovsky, Moscow Conservatory

Frédéric Chopin / Фредерик Шопен (1810–1849)
Mazurkas / Мазурки

Disc 1 / Диск 1

1. in C sharp minor, Op. 6 No. 2 / до-диез минор, соч. 6 № 2	2.35
2. in A minor, Op. 7 No. 2 / ля минор, соч. 7 № 2	4.03
3. in B flat major, Op. 7 No. 1 / Си-бемоль мажор, соч. 7 № 1	2.20
4. in A minor, Op. 17 No. 4 / ля минор, соч. 17 № 4	4.33
5. in C major, Op. 24 No. 2 / До мажор, соч. 24 № 2	2.02
6. in G minor, Op. 24 No. 1 / соль минор, соч. 24 № 1	3.36
7. in C minor, Op. 30 No. 1 / до минор, соч. 30 № 1	1.44
8. in C sharp minor, Op. 30 No. 4 / до-диез минор, соч. 30 № 4	3.37
9. in G sharp minor, Op. 33 No. 1 / соль-диез минор, соч. 33 № 1	1.38
10. in D major, Op. 33 No. 2 / Ре мажор, соч. 33 № 2	2.21
11. in E minor, Op. 41 No. 2 / ми минор, соч. 41 № 2	2.19
12. in G minor, Op. 67 No. 2 / соль минор, соч. 67 № 2	1.50
13. in F minor, Op. 63 No. 2 / фа минор, соч. 63 № 2	1.42
14. in B minor, Op. 33 No. 4 / си минор, соч. 33 № 4	5.04
15. in A minor, Op. 67 No. 4 / ля минор, соч. 67 № 4	2.54
16. in C minor, Op. 56 No. 3 / до минор, соч. 56 № 3	5.02

Total time / Общее время: 47.28

Disc 2 / Диск 2

1. in E major, Op. 6 No. 3 / Ми мажор, соч. 6 № 3	1.50
2. in F minor, Op. 7 No. 3 / фа минор, соч. 7 № 3	2.22
3. in C major, Op. 7 No. 5 / До мажор, соч. 7 № 5	0.30
4. in B flat major, Op. 17 No. 1 / Си-бемоль мажор, соч. 17 № 1	2.03
5. in E minor, Op. 17 No. 2 / ми минор, соч. 17 № 2	1.49
6. in A flat major, Op. 17 No. 3 / Ля-бемоль мажор, соч. 17 № 3	3.52
7. in A flat major, Op. 24 No. 3 / Ля-бемоль мажор, соч. 24 № 3	2.10
8. in B flat minor, Op. 24 No. 4 / си-бемоль минор, соч. 24 № 4	4.28
9. in B minor, Op. 30 No. 2 / си минор, соч. 30 № 2	1.24
10. in A flat major, Op. 41 No. 4 / Ля-бемоль мажор, соч. 41 № 4	1.51
11. in A flat major, Op. 50 No. 2 / Ля-бемоль мажор, соч. 50 № 2	2.42
12. in C sharp minor, Op. 50 No. 3 / до-диез минор, соч. 50 № 3	4.32
13. in C sharp minor, Op. 63 No. 3 / до-диез минор, соч. 63 № 3	1.50
14. in C major, Op. 67 No. 3 / До мажор, соч. 67 № 3	1.23
15. in A minor, Op. 68 No. 2 / ля минор, соч. 68 № 2	2.52
16. in F major, Op. 68 No. 3 / Фа мажор, соч. 68 № 3	1.09
17. in F minor, Op. 68 No. 4 / фа минор, соч. 68 № 4	1.49

Total time / Общее время: 38.45

Сергей Доренский, *фортепиано* / Sergei Dorensky, *piano*

Recorded in 1974, 1979. / Записи 1974, 1979 гг.

Sound engineer – I. Veprintsev / Звукорежиссер – И. Вепринцев

Editor – P. Dobryshkina / Редактор – П. Добрышкина

Remastering – N. Radugina / Ремастеринг – Н. Радугина

Design – G. Zhukov / Дизайн – Г. Жуков

Translation – I. Fomina / Перевод – И. Фомина

FRÉDÉRIC
CHOPIN

